

мануфактур. И подобных биографий можно составить множество, каждая из них будет уникальна своими радостями и достижениями, горестями и проблемами.

Таким образом, деятельность всех балахнинцев, записанных в разное время в состав Гостиной или Суконой сотен, была связана с соляным промыслом Балахны или других центров соляного производства России. На первоначальную ротацию семей, занимавших лидирующие позиции в торговле и промыслах, серьезно повлияли события Смуты, в дальнейшем изменения происходили более плавно.

Примечания

¹ ОРРК НБЛ. Ед. хр. 1139.

² Там же. Ед. хр. 1056; Материалы по истории Нижегородского края. Писцовая книга города Балахны, 1674–1676. Н. Новгород, 1913. 170 с. (Действия Нижегород. губерны. учен. арх. комиссии; Т. 15, вып. 1).

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–68; Ф. 281. Оп. 1. Балахнинский уезд. Д. 396. Л. 7–72; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15648. Л. 4–64 об.

⁴ ОРРК НБЛ. Ед. хр. 1139. Л. 22–23 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 1056. Л. 31–31 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об.–9 об.

⁷ Материалы по истории Нижегородского края. Писцовая книга города Балахны 1674–1676 г. С. 17, 18, 26, 59, 85, 86.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15648. Л. 13–15.

Л. Б. Сукина

КТИТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА XVII СТОЛЕТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Подъем в экономической и социальной жизни России, начавшийся после окончания Смутного времени, сказался в различных сферах деятельности населения, в том числе и в той, что была связана с религией. Забота о строительстве, украшении и поддержании православных храмов всегда считалась почетной обязанностью и религиозным долгом имущих слоев. Но до 20-х гг. XVII в. в качестве церковных ктиторов выступали в основном члены царской семьи и вотчинная знать. Строительство во второй половине XVI столетия гостями Строгановыми Благовещенского собора в Сольвычегодске было делом беспрецедентным, так же как и размах их семейной благотворительности в пользу церкви. Время купечества наступило после утверждения на русском троне новой царской династии, которая активно стала привлекать торговых людей на службу государству, поручая им административные, экономические и дипломатические миссии внутри страны и за ее пределами¹. Сохранившиеся письменные и визуальные источники, а также многочисленные историко-

культурные исследования, опубликованные в последние десятилетия, позволяют реконструировать ктиторские практики русского купечества XVII столетия в социокультурном контексте эпохи.

Благодаря экономическому развитию страны в XVII в. растет население городов и постепенно меняется их облик, не в последнюю очередь за счет увеличения количества каменных храмов. Распространенными становятся персональные ктиторские церкви, находившиеся под покровительством отдельных семей. Если до Смутного времени действовала норма «Стоглава», осуждающая строительство «лишних» церквей лишь из желания выделиться или доставить удовольствие своим близким², то после Смуты с ней уже мало считались. Необходимость наличия большого количества церквей, в том числе домовых, диктовалась особенностями ритуальной стороны православия. Голштинский посол Адам Олеарий писал, что русские посещают церковь практически ежедневно, а по большим праздникам и воскресеньям они должны это делать трижды в день, ходя к «заутрене», «обедне» и «вечерне»³. Выдержать такой ритм, не поступаясь благочестием и не оставляя повседневных дел и обязанностей, знать и купечество могли только имея свой собственный храм. Забота о его красоте и благолепии превращалась постепенно из духовного долга в религиозную и мирскую традицию репрезентации богатства и высокого социального положения ктиторского рода. Сопровождавший в середине XVII в. антиохийского патриарха Макария архидьякон Павел Алеппский, описывая быт московских вельмож, отмечал, что в доме каждого из них есть «церковь, и каждый тщеславится перед другими ее красотой»⁴. И. Л. Бусева-Давыдова обратила внимание на то, что в одном из стихотворений видного поэта и книжника того времени Сильвестра Медведева говорится, что «зданные храмы» кроме всего прочего еще и прославляют «щедрую руку» ктитора⁵.

До принятия в 1649 г. Соборного уложения царя Алексея Михайловича ктиторская деятельность была преимущественно прерогативой знати и высшего купечества (гости, представители Гостиной и Суконной сотен). Привилегированные купцы (хотя большинство из них и происходило из посадских) в социальном отношении стояли ближе к вельможам, чем к торговоремесленному населению городов. Они принадлежали к категории государевых служилых людей с особым определенным кругом обязанностей и полномочий⁶. Эта дифференциация горожан отражена и в Соборном уложении царя Алексея Михайловича⁷.

Изучая историю храмового строительства первой половины XVII в. мы обратили внимание на то, что при схожести целей храмоздательства знати и привилегированного купечества в их ктиторских практиках существовали и заметные различия. Знать, как и прежде, традиционно возводила церкви в своих вотчинах или на собственных дворах в городских кремлях, а также в опекаемых знатными родами монастырях. Гости и представители Гостиной сотни в 1620–1640-е гг. строили большие каменные храмы за пределами кремлей, на прилегающих к ним территориях городских слобод. Типичными примерами таких построек являются московская церковь Троицы в Никитниках (ктитор Григорий Леонтьевич Никитников, 1628–1653), ярославские церкви

Николы Надеина (ктитор Надея (Епифаний) Андреевич Светешников, 1620–1622), Рождества Христова (ктиторы Анкудин (Акиндин) и Гурий Назарьевы, 1644) и Ильи Пророка (ктиторы Вонифатий Иванович и Иоанникий Иванович Скрипины, 1647–1650), костромская церковь Воскресения на Дебре (ктитор Кирилл Григорьевич Исаков, 1645–1651).

Необходимо подчеркнуть, что эти строившиеся на городских посадах церкви не были ни «посадскими» (в социокультурном смысле этого понятия), ни приходскими в каноническом значении. Это типичные ктиторские храмы, забота о которых и контроль над которыми, включая подбор и содержание церковного причта во главе со священником, были делом семьи их строителей и благотворителей. Разнообразные источники свидетельствуют, что они в течение десятилетий находились под покровительством храмоздателей и их наследников⁸. Стены храмов расписывались высокохудожественными фресками лучшими артелями мастеров, иконостасы и киоты пополнялись превосходными иконами работы известных изографов, в ризницы приобретались утварь из драгоценных металлов, ценные рукописные и печатные книги.

Ктитору из привилегированного купечества, также как и знать, не только давали деньги на строительство храмов, но и определяли их внешний архитектурный облик, планировку, нередко включавший мемориальный придел в честь святых, тезоименитых членам семьи покровителей церкви, и даже их усыпальницу, как это было, скажем, в ярославской церкви Ильи Пророка. Художественный замысел будущей церкви определялся ктиторм, вероятно, с учетом как практических, так и эстетических соображений. Архитектурная «мода» в эту эпоху диктовалась царским двором, поэтому купцы-ктиторы следовали в русле характерного для времени царя Михаила Федоровича традиционализма, восстанавливающего и закрепляющего формы, сложившиеся в период правления Бориса Годунова⁹. Практическая составляющая опиралась на рациональный подход и стремление обеспечить постройке долговечность. Например, в 1630 г. ярославский купец Егор Третьяк Лыткин, благотворитель Красногорского монастыря на Пинеге, при строительстве нового храма взамен сгоревшего высказал настойчивое пожелание, что у него не должно быть вытянутого верха, «ради того, что высокие церкви Божиим повелением молнией пожигает»¹⁰.

Купеческие ктиторские практики переживают изменения после утверждения Земским собором в сентябре 1649 г. нового Уложения. Отменив привилегии «белых» слобод и распределив «государево тягло» на все посадское население, оно создало условие для укрепления материального положения мелких торговцев и ремесленников. В то же время, закрепляя торгово-ремесленное население за конкретным посадом, Уложение насильственно стабилизировало городской социум, в том числе и церковные приходские общины. Приходские храмы становятся объектами коллективной ктиторской активности зажиточной части прихода. В это время многие деревянные церкви на городских посадах перестраиваются в камне. Новая тенденция со всей очевидностью проявилась во второй половине XVII в. в Москве, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде и других менее крупных торговых городах Русского государства.

При этом и роль ктиторов из привилегированного купечества остается значительной. Так, например, из построенных в Нижнем Новгороде после 1649 г. больших каменных церквей половина была возведена отдельными богатыми купцами, входившими в Гостиную сотню: Рождественская на Бичеве, Никольская, «что у Гостиного двора», Воскресенская в кремле — солепромышленником и строительным подрядчиком Семеном Филипповичем Задориным, Иоанна Предтечи — откупщиком Гаврилой Семеновичем Дранишниковым, Казанской Богоматери, Сергиевская, Успенская на Ильинской Горе — нижегородским таможенным головой Афанасием Фирсовичем Олисовым¹¹.

Параллельно с этим в торговых городах усилиями мелких торговцев и ремесленников шло «посадское» храмовое строительство с коллективным ктиторовством, которое развивалось постепенно. Рассмотрим это явление на примере Ярославля, так как этому способствует хорошая сохранность памятников архитектуры и архивных материалов.

Начало массового строительства каменных храмов на ярославском посаде отчетливо датируется 1649 г. Первоначально оно имело форму все того же индивидуального ктиторовства. В 1649–1654 гг. на средства торговых людей с посада Ивана Федоровича и Федора Федоровича Неждановских была построена церковь Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе. После смерти ктитора были похоронены в южной галерее храма. Но в последующее время эта церковь становится объектом коллективной благотворительности наиболее зажиточных торговцев и ремесленников Коровников. Рядом с храмом ими была построена зимняя церковь Владимирской Богоматери (1669), колокольня (1680-е гг.) и Святые ворота (рубеж XVII–XVIII вв.)¹².

Новым по сравнению с предыдущим периодом в купеческой ктиторовской практике второй половины XVII в. было объединение усилий представителей разных социальных групп торгового населения. Например, заказчиками ярославской церкви Николы Мокрого (1686) выступали члены Гостиной сотни Афанасий Лузин и Андрей Лемин и богатые посадские люди Федор Выморов и Степан Тарабаев¹³.

Коллективные ктиторовы с посада стремились обустроить не только сам храм, но и прилегающую к нему приходскую территорию, постепенно формируя целый архитектурный комплекс, в который входили летняя и зимняя церкви, трапезная палата, где после окончания службы за общий стол с духовенством садились самые щедрые из приходских благотворителей. Непременными частями ансамбля также были колокольня и церковная ограда с парадными воротами. Все это, несмотря на то, что строилось постепенно, требовало больших средств, которые могло предоставить только коллективное ктиторовство.

Но, скидываясь на постройку храма, каждый из жертвователей стремился выделить и зафиксировать свою долю ктиторовского участия, в том числе и для того, чтобы пользоваться потом привилегиями внутри прихода. Так, жители торгово-ремесленной Толчковой слободы Ярославля, получившие разрешение на постройку каменной церкви Иоанна Предтечи, удивительно точно указали свои пожертвования в росписи 1676 г.¹⁴ Среди ктиторов церкви в ней числятся как отдельные лица, так и целые семьи. Размеры дач колеблются от

2935 руб. 12 алт. 2 д., суммарно вложенных богатыми торговыми семьями Солодиловых, Жуковых, Оглодаевых и купцом Семеном Топлениным, до мисурных кружев на 32 руб. торговца Власа Власова. Значительная часть пожертвований была осуществлена имуществом, ко времени составления росписи, видимо, не реализованным и не получившим денежной оценки. Оно также весьма разнообразно: вдова Евдокия Семеновна Дехтева дала 69 зернят жемчуга, а Евдокия, вдова Осипа Гуньбкина — три лавочных порожних места в сапожном и ветошном ряду; некоторые вкладчики передали дворы с постройками и огородной землей, а трое из них — дворы с кожевными заводами.

Еще одну специфическую особенность купеческого ктитинства этого времени можно обнаружить в истории строительства ярославской Никольской церкви на Пенье. Один из ее основных ктиторов — Гурий Данилович Кочуров пожертвовал на постройку храма не собственное имущество, а кожевнный двор и амбар своего должника Никиты Михайловича Бабушкина¹⁵. Так благое дело не принесло ущерба основному капиталу Кочурова.

Практика передачи на строительство приходских храмов недвижимого имущества показывает, что на приходы не распространялось действие указа патриарха Филарета, запрещающего посадским отдавать дворы и лавки монастырям¹⁶. Целью указа было сохранение в составе посадов налогооблагаемых единиц, которые не должны были переходить к монастырям даже в виде вкладов. Дача такого же имущества приходскому храму оставляла его в посаде. Двор или лавка продавались коллективными ктиторами, а деньги шли на строительство и украшение церкви.

Храмоздательное усердие ярославского купечества и ремесленников и сейчас поражает своими масштабами. В перечневой описи Ярославля 1630 г. упоминается 40 приходских церквей, преимущественно деревянных¹⁷. Во второй половине XVII в. около двух десятков из них были перестроены в камне. Росту количества и размеров приходских храмов способствовали стихийные бедствия, воспринимаемые населением как божье наказание. Пожары и эпидемии нередко сопровождались строительством временных деревянных «обыденных» (возводившихся за один день) церквей, которые позже перестраивались в камне. Так, во время опустошительного пожара 1658 г. в Ярославле почти полностью выгорели кремль, земляной город и посад. Пострадали даже слободы за рекой Которосль. Погибли или выгорели изнутри 27 приходских церквей¹⁸. Но в последующие четыре десятилетия церковное благолепие в городе было не только восстановлено, но и приумножено. При этом многие храмы строились не один год, иногда процесс затягивался на полтора-два десятилетия.

В художественном отношении и во второй половине XVII в. архитектурными формами и роскошью убранства интерьеров выделялись, в первую очередь, храмы, ктиторами которых были представители привилегированных купеческих корпораций. Еще сравнительно недавно в работах историков архитектуры такое ктиторовское усердие интерпретировалось как способ самоутверждения «третьего сословия» в противоборстве с государственной и церковной властью¹⁹. Но как мы уже отметили выше, привилегированное купечество само было частью системы государственного управления и вряд ли

стремилось ей противостоять и противоборствовать, да и не имело в этом нужды. На настоящий момент не выявлено ни одного случая отказа со стороны архиереев богатейшим купцам в разрешении на строительство храма. Однако привилегированное купечество, занимавшее особое положение в городском социуме того времени, могло позволять себе определенную долю религиозного и эстетического «самомышления» и посредством искусства нанимавшихся для строительства и украшения храмов мастеров транслировать в городскую среду новые художественные взгляды и вкусы, например, заимствованную у западного искусства иконографию или элементы распространявшегося в русской культуре стиля барокко. И, как и в первой половине столетия, ктиторовский храм, опекаемый определенной купеческой семьей, не в последнюю очередь служил средством репрезентации ее влияния и богатства.

В отношении же приходских храмов, строительство и поддержание которых осуществлялось коллективными ктиторами, пожалуй, можно согласиться с предыдущими исследователями в том, что в качестве одного из стимулов их созидания выступало соперничество торговых и ремесленных слобод между собой. Одни ктиторы, как, например, создатели ансамбля в Толчковой слободе, включавшего 45-метровую семярусную колокольную и церковь, украшенную изразцовым декором и расписанную фресками артелью именитого мастера Дмитрия Плеханова, могли вполне гордиться собой. Другие просто старались быть не хуже иных. Так, прихожане ярославской Федоровской церкви, задумав в 1687 г. заменить деревянную постройку каменной, выбрали между особенно понравившимися им церквями Петра Митрополита в Спаской слободе и Вознесенской в Кондаковой слободе. После обмеров периметра обеих они остановились на Вознесенской как более крупной²⁰. В редких случаях постройки коллективных ктиторов отличались оригинальностью архитектурных форм, как, например, уже упоминавшийся храм в Толчковой слободе, но большинство воспроизводило устоявшийся тип пятиглавой церкви (высокой четырехстолпной или небольшой бесстолпной) с трапезной.

Итак, в купеческой ктиторской практике XVII в. мы можем выделить два хронологических отрезка: от окончания Смуты до принятия Уложения 1649 г. и от этого события до конца столетия. Каждый из них имел свои особенности. Главными из них следует считать преимущественную инициативу отдельных представителей и семей привилегированного купечества в первой половине века и нарастание активности коллективных ктиторов из числа зажиточных торговцев и ремесленников с посада во второй.

Оба сформировавшихся на протяжении столетия типа купеческой ктиторовской практики обладали собственной спецификой. Ктиторские постройки членов привилегированных купеческих корпораций, наряду с ктиторскими храмами знати, представляли собой наиболее индивидуализированные памятники русского церковного зодчества этой эпохи. В архитектурных формах, планировке и размерах зданий, несмотря на соблюдение общего церковного канона и следование поддерживаемой царской властью традиции, сказывались воля и вкус заказчиков, их персональные представления о долге благочестия и благолепии внешнего облика и убранства православного храма. Ктиторские

церкви привилегированного купечества служили примером и образцом, выступали проводниками новых художественных тенденций.

В памятниках так называемого «посадского» зодчества второй половины XVII в., напротив, нашли выражение особенности коллективных религиозных и эстетических представлений зажиточных торговцев, не принадлежавших к высшему купечеству, и ремесленников, имевших налаженное производство каких-либо товаров и использовавших наемный труд. В большинстве случаев архитектура и убранство опекаемых ими приходских церквей воспроизводили устоявшиеся образцы, формируя и поддерживая общую культурную среду города.

Ктиторское усердие всего купечества в целом оказало огромное влияние на облик русских городов той эпохи. К концу XVII столетия городская панорама с лесом куполов церквей и колоколен стала характерным элементом культурного ландшафта России.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации в России в XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998.

² Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах: (Столб.) М., 1890. С. 272–274.

³ Россия XVII века: Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 448.

⁴ *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 3. М., 1898. С. 31.

⁵ *Бусева-Давыдова И. Л.* О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 36. М., 1988. С. 46.

⁶ См.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации ... Т. 1.

⁷ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подгот. текста Л. И. Ивиной; Рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. Гл. X. Ст. 94; Гл. XIX. Ст. 1–40.

⁸ См., например: 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле: 1650–2000 гг. Ярославль, 2001; *Рутман Т. А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Кн. 2. Ярославль, 2004.

⁹ О традиционализме в архитектуре «послесмутного» времени см.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. С. 27–32.

¹⁰ Цит. по: *Бусева-Давыдова И. Л.* О так называемом запрете шатровых храмов патриархом Никоном // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 318. (Тр. ГИМ; Вып. 139).

¹¹ Переписная книга 1678 года по Нижнему Новгороду // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Стб. 355–448.

¹² *Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В.* Ярославль. Тутаев. М., 1981. С. 116–129.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Опись опубликована в кн.: *Успенский Ф. П.* Предтечевская церковь в Ярославле. 2-е изд., доп. Ярославль, 1906. С. 5–6.

¹⁵ Повесть о начале зачатия и поставлении первой древней церкви святого Николая Чудотворца, что на Пенье // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. № 35/39. Ч. неофиц. С. 276–277.

¹⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер. Л., 1986. № 136. С. 121.

¹⁷ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. 1861. № 35. Ч. неофиц. С. 271.

¹⁸ Сказание вкратце о бывшем пожаре города Ярославля / Публ. М. А. Салминой // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 322–326.

¹⁹ См., например: *Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В.* Ярославль. Тугаев. С. 54–116.

²⁰ Там же. С. 185.

А. Н. Гуслистова

ТОРГОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ВОЛОГДЫ ПО ПИСЦОВЫМ И ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Вологда в XVII в. являлась крупным торговым центром, что во многом предопределялось ее выгодным географическим положением на пересечении речных и сухопутных торговых путей. Значение Вологды как крупного центра межрегиональной оптовой и транзитной торговли можно выяснить благодаря таможенной книге 1634/35 г., опубликованной Е. Б. Французовой, и таможенной выписи 1663 г., изданной А. Л. Грязновым¹ Основными источниками по характеристике местного рынка как центра городской и уездной торговли являются писцовые и переписные книги XVII — начала XVIII в.: писцовая книга 1627 г. и переписные книги 1685/86 г. и 1711/12 г., опубликованные А. Е. Мерцаловым, М. С. Черкасовой, И. В. Пугачем².

Если проанализировать те части земельного кадастра, которые относятся к описанию торговых рядов Вологды, то, в первую очередь, можно говорить об увеличении количества и видов торговых рядов. Если в 1627 г. было 10 специализированных (москатильный, сапожный, мясной, соляной, щеляной и лапотный, шапочный, серебряный, ветошный, иконный и свечной, рыбный) и примерно столько же не поименованных торговых рядов, то к 1685 г. к ним прибавляется еще семь — пряничный, калачный, уздяной, крашенинный, горшечный, суконный и сырейная площадка, а к 1711 г. — еще четыре — хлебный, коробейный, овчинный и скорняшный. Нетрудно заметить, что наибольшей специализации подверглась организация продажи продовольственных товаров (готовой еды), а также сырья и материалов, предназначенных для изготовления одежды и обуви, что в свою очередь свидетельствует о росте потребительского рынка.

По данным переписной книги 1711/12 г. 204 помещения (50 % от всей торговой недвижимости посадских людей) было в руках родственников. В то же время некоторые видные купеческие фамилии (всего 17) были представлены только одной персоналией, но в сумме они владели 124 заведениями, что составляло 30 % от общего количества. Например, у семьи Рыбниковых было 50 помещений, Чадовых — 34, Оконнишниковых — 16, Кодовиных — 11. Таким образом, в 1711/12 г. в руках крупных семейных, «клановых» купеческих групп и одиночных представителей, составлявших 41 % от всех фамилий по-